

ОБМАН В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Автор: Н. В. ЛАТОВА, Ю. В. ЛАТОВ

(Опыт шпаргалкологии)

Развернувшееся в последнее десятилетие изучение теневых экономических отношений в постсоветской России не обошло своим вниманием и образовательную систему. Немало публикаций посвящено коррупции в учебных заведениях, неформальному репетиторству. Однако есть одна область, которую до сих пор российские исследователи - "тенеvedы" обходят стороной. Возможно, это происходит из-за того, что данное явление кажется на первый взгляд не связанным с экономическими отношениями. Кроме того, оно настолько широко распространено, что его просто не замечают как объект научного исследования ("лицом к лицу лица не увидеть"). Речь идет об обмане в учебном процессе - списывании, использовании шпаргалок и т.д. Между тем связь этого явления с теневой экономикой несомненно существует.

Повседневная теневая экономика

Когда 15 лет назад начиналась "великая криминальная революция", казалось, что главная причина широчайшего развития теневой экономики - катастрофическая слабость государства, которое то ли не может, то ли не хочет обеспечивать "нормальный порядок". Такое понимание было для очень многих психологически комфортным: виновата некая внешняя сила, а мы, российские граждане, - лишь невинные жертвы этой силы. В последние годы наше государство значительно окрепло. Однако теневая экономика отнюдь не исчезла: ее масштабы то ли относительно стабильны, то ли даже растут¹.

Конечно, можно заявить, что наше окрепшее государство сознательно потворствует многим видам теневой экономики, поскольку это позволяет чиновникам получать крупные доходы. Но более корректным представляется иное - сменить подход к изучению причин широкой криминальности и перевести взгляд с "верхов" на "низы". В конце концов, даже если считать, что "великая криминальная революция" начиналась как "революция сверху" ("прихватизация", бюрократическая коррупция), то нельзя не признать,

---

¹ Можно вспомнить, например, недавние шокирующие результаты исследования российских социологов из Фонда ИНДЕМ под руководством Г. Сатарова: сравнивая результаты опросов 2001 и 2005 гг., они пришли к выводу, что в сфере деловой коррупции общая сумма взяток за эти 4 года выросла в 9 раз, причем взятки регулярно платят примерно 80% всех фирм [Сатаров, 2005, с. 3 - 4].

Л а т о в а Наталья Валерьевна - магистр социологии, научный сотрудник Института социологии РАН.

Л а т о в Юрий Валерьевич - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД РФ.

Таблица 1 Типологизация теневой экономики по степени повседневности

Основные признаки	Повседневная теневая экономика	Экстраординарная теневая экономика
Субъекты	Рядовые работники	Представители элиты (криминальной элиты, бизнес-элиты) и маргиналы
Моральная оценка	Осуждается слабо, часто имеет этически нейтральную оценку, может даже одобряться (как "умение жить")	Решительно осуждается как нарушение привычного "порядка вещей"

что ее успех во многом обусловлен поддержкой "революции снизу" (всеобщее уклонение от налогов, широкая неформальная занятость, "челноки", бытовая коррупция, торговое пиратство и др.). Поэтому для понимания глубинных факторов развития теневых экономических отношений следует обратить особое внимание на "демократические", повседневные виды этих отношений.

Хотя криминализацию экономики связывают прежде всего с организованной преступностью, однако основной массив теневых экономических отношений находится совсем в другой сфере. Обычный россиянин видит "страшных" рэкетиоров и махинаторов-миллионеров в основном на экране телевизора и на страницах газетной криминальной хроники. Уклонение от налогов - "материя", более ему близкая: почти каждый взрослый россиянин не раз в жизни получал оплату наличными, без всяких документов, или же при получении денег расписывался в ведомостях, чье содержание заведомо отличалось от реальности. Примеры повседневной теневой экономической деятельности можно множить и множить. Трудно найти такого работника, который бы не прихватывал с рабочего места чего-нибудь полезного "для дома, для семьи" или не занимался на рабочем месте какой-то личной деятельностью. У многих дома богатые залежи "пиратских" видео- и аудиозаписей, почти на каждом компьютере стоят "пиратские" программы. Мы привыкли к неформальным "доплатам" врачам, учителям, работникам ГИБДД.

Для понимания институционализации разных видов теневой экономики можно использовать классификацию теневых экономических отношений по степени их повседневности, обыденности. Речь идет об отделении *повседневной теневой деятельности* обычных, "средних" людей от *экстраординарной теневой деятельности* представителей девиантных социальных групп - элиты и маргиналов (см. табл. 1).

Хотя наиболее опасной кажется экономика организованной преступности и "беловоротничковая" преступность бизнес-элиты, однако чаще всего вовсе не они дают основную массу теневых доходов. Теневая экономика подобна айсбергу, большая часть которого скрыта под водой. Именно малозаметная, но широко распространенная повседневная теневая экономика - в современной России (как, впрочем, и в большинстве зарубежных стран) главный массив "экономики вне закона".

Изучение теневых экономических отношений в нашей стране характеризуется постепенным сдвигом фокуса внимания исследователей от экстраординарных форм к повседневным. Это соответствует углублению понимания укорененности этих отношений. Когда в конце 1980-х гг. в СССР появились первые публикации о теневой экономике, то абсолютно преобладало представление, будто речь идет о жизни каких-то "чужих" социальных групп - номенклатуры, уголовников, "торгашей" и т.д. Это представление о "чуждости" теневых экономических отношений сохранялось отчасти и в 1990-е гг., только ряды "чужих" расширились за счет "новых русских". Постепенно, однако, к исследователям, как и к рядовым россиянам пришло осознание того, что главные участники теневых отношений - не "они", а "мы сами". Именно благодаря молчаливому согласию рядовых россиян и их личному соучастию существуют коррупция, массовое уклонение от налогов, нелегальная занятость, торговое пиратство и многие-многие другие

широко распространенные экономические правонарушения. Поэтому в конце 1990-х - начале 2000-х гг. отечественные исследователи (С. Барсукова, Г. Сатаров, Л. Тимофеев и др.) все чаще стали обращать внимание на те виды теневой экономической деятельности, в которых систематически участвуют большинство россиян и которые осуществляются с их молчаливого согласия. Однако в изучении повседневной теневой экономики есть одно большое белое пятно - вопрос о том, где и как происходит "обучение" подавляющего большинства граждан тому, как надо обманывать, или, по крайней мере, снисходительно терпеть, когда это делают другие?

По-видимому, в качестве "школы теневой экономики" выступает у нас та же самая школа - средняя и высшая, - где мы получаем базовые знания и навыки. Именно здесь подавляющее большинство из нас учится тому, как использовать шпаргалки и применять иные приемы нарушения формальных правил². Поскольку для школьника и студента главный труд - учеба, то после завершения обучения они приносят в настоящее производство ту готовность обманывать (или, по крайней мере, снисходительно терпеть "неформальную" деятельность коллег), которая сформировалась за годы обучения. У известной латинской пословицы "pop scholae, sed vitae discimus" ("не для школы, а для жизни учимся") обнаруживается скрытый смысл: учась обманывать в школе/вузе, школьник/студент учится "азам" повседневной теневой экономической деятельности.

Шпаргалка в прошлом и в настоящем

Редкий россиянин хоть раз в своей жизни, сдавая тот или иной экзамен, не списывал или, по крайней мере, не вставал перед дилеммой "списать-не списать". Арсенал недобросовестных действий включает такие древние приемы, как применение шпаргалок, списывание у соседа, плагиат. Обман на экзаменах - явление столь же древнее, как и сами экзамены. Многовековая история списывания начинается в средневековом Китае. Именно там в VI в., при династии Суй, были "изобретены" государственные экзамены ("кэцзюй") - письменная проверка квалификационных знаний и навыков [Боревская, 2005; Сидихменов, 2000]. Самым важным элементом государственного экзамена постепенно стало написание сочинения по классической конфуцианской литературе. К этому экзамену готовились годами и даже десятилетиями. Успешно выдержав экзамен, человек любого сословия (даже бедный простолюдин) мог занять государственную должность.

Поскольку конкуренция на государственных экзаменах была очень жесткой, то обман в их ходе стал закономерным явлением. Экзаменующиеся старались тайком принести в экзаменационные павильоны "конспекты" или вообще послать вместо себя нанятого интеллектуала. Появилась даже китайская пословица - "чтобы выдержать экзамен, нужно обладать резвостью скакуна, упрямством осла, неразборчивостью вши, выносливостью верблюда".

Чтобы уличить соискателей, которые отличались главным образом "неразборчивостью вши", организаторы экзаменов прибегали ко все более изощренным мерам. При династии Мин (с конца XIV в.) государственные экзамены в Китае стали проводиться в специальных кабинетах, снабженных четырьмя окнами, по одному в каждой стене: благодаря этим окнам наблюдающие могли контролировать любое движение экзаменующихся. Если сдающего экзамен ловили на обмане, то предусматривалось наказание вплоть до смертной казни. В более поздние времена, при династии Цин, система надзора стала чуть более либеральной: соискателей при входе в экзаменационные комнаты

---

² Сделаем оговорку, что ни вобретении обычных знаний, ни в обучении обману школа/вуз не являются, конечно, единственными "школами жизни". Помимо них существенную роль играют семья, уличные коллективы, влияние СМИ и т.д. Однако все же именно школы и вузы - главные сферы общения со сверстниками, максимально приближенные к профессиональному общению. Поэтому их роль в "обучении" повседневному нарушению формальных правил представляется нам наиболее важной.

"всего-навсего" тщательно обыскивали с целью выявления "посторонних предметов", а для облегчения обыска требовалось, чтобы шляпы и халаты экзаменуемых не имели подкладки, подошвы туфель были тонкими, вся принесенная с собою еда разрезана на мелкие кусочки, и т.д.

Когда в эпоху нового времени экзаменационная система стала ключевым элементом образовательной системы стран Европы, тайное списывание тоже стало повседневным явлением. По мере развития техники коммуникаций приемы списывания получали дальнейшее развитие, становясь все более изощренными и продвинутыми - в наши дни в ход идут Интернет и мобильные средства связи (прежде всего, мобильные телефоны).

Наш личный опыт, связанный с работой в 1990 - 2000-е гг. в высших учебных заведениях Москвы и Тулы самого разного уровня, подтверждает, что массовые списывания - одна из основных проблем проведения письменных и устных экзаменов. Во время экзаменов мало-мальски добросовестными контролирующими всегда изымается немалое количество шпаргалок самого разного вида. Бывали случаи, когда студенты нахально списывали, практически не скрывая этого (распечатка лекций лежала вместе с вещами на первом ряду, в то время как студенты сидели на втором и имели все возможности видеть текст, лежащий впереди них). В большинстве же случаев шпаргалки используют более осмотрительно - их либо кладут на пол или на колени, либо садятся на них.

Показательно, что практически все современные шпаргалки представляют собой распечатки лекций или иных пособий, ни одна из них не была написана от руки. Это немаловажно: когда студент сам, от руки, пишет "шпаргалку", то он фактически составляет конспект по данному предмету, что объективно облегчает запоминание материала и снижает необходимость в использовании на экзамене заветных листиков. Увы, современные технологии облегчают изготовление шпаргалок, но сводят к минимуму полезный эффект от их приготовления.

Обман приобретает все более технически совершенный облик. Помните, как в "Старике Хоттабыче" Волька слово в слово повторял на экзамене подсказки своего волшебного суфлера: "Индия, о достопочтенный учитель, находится на самом краю земного диска"? В наши дни таких "волек" можно встретить почти в любом вузе. Только вместо реликтового Хоттабыча используется современная аудиотехника free hands: в ухе - маленькая горошина-микрофон, в соседней комнате - помощник с учебником и передатчиком.

Нам, россиянам, может казаться, что проблема списывания - бич лишь нашей системы образования, наследие нехорошего советского прошлого, когда нас, от природы "честных и пушистых", приучали лгать и обманывать (подобную точку зрения см. в http://www.yabloko.ru/Publ/2004/2004_06/040602_ehom_bunimovich.html). Долгие годы у нас популярны рассказы о том, как щепетильны в этом вопросе зарубежные студенты и как легко и "просто" относятся к списыванию российские ученики. Но это противопоставление не совсем верно.

В последние годы за рубежом начались массовые акции борьбы с нечестной сдачей экзаменов. Поводом послужили пугающие результаты исследований зарубежных ученых и специально созданных комиссий. Так, в 2006 г. в Великобритании комиссия Qualifications and Curriculum Authority (QCA) обнародовала данные, согласно которым пойманные с поличным списывающие составляли всего лишь 0,06% от общего числа сдающих экзамены. Казалось бы, замечательная ситуация - всего лишь примерно один нечестный на 1600 экзаменующихся! Однако если взглянуть на эту ситуацию в динамике, то она далеко не так прекрасна: оказалось, что число списывающих во время экзаменов летом 2005 г. выросло на 27% в сравнении с предыдущим годом (см.: http://www.cnews.ru/newsAine/index.shtml?2006/03/_27/198525). К тому же число непоиманных обманщиков многократно превосходит число пойманных.

Не очень блестяще дело обстоит и в США. Опросы американских подростков в 2001 г. показали, что половина учеников старших классов не считают списывание зазорным делом, примерно 75% "списывают при каждом удобном случае" (см.: <http://www.mmonline.ru/news.php?mid=1437&topic=131>). При таких привычках учащихся

старших классов мало надежды полагать, что студенты высших учебных заведений поступают по-другому. Действительно, данные опросов американских студентов показывают, что если в 1969 г. в списывании признавались 34% студентов, то в 1992 г. - 61%, а 2002 г. - уже 74% [Grimes, Rezek, 2005].

Азиатские студенты не отстают от европейцев и американцев. Например, в 2004 г. министерство образования Южной Кореи обнуло результаты нескольких сотен тестов, которые решались, как выяснилось, с помощью тайного общения по SMS (см.: http://www.playmobile.ru/news/world_news/korean_mobil_cheaters_punished).

В связи с высокой технической оснащенностью мошенничающих студентов многие зарубежные и российские университеты закупают специальную аппаратуру для глушения радиопередач в экзаменационных помещениях³.

Итак, списывание в современном мире образовательных процессов приобретает воистину массовый характер. Любопытно, что это коррелирует с общей тенденцией увеличения масштабов теневой экономики в большинстве стран мира. Видимо, оба эти процесса, имея общее культурное основание, подпитывают друг друга: учащиеся, глядя на мошенничающих взрослых, начинают сами все чаще обманывать преподавателей, а затем, включаясь во "взрослую" жизнь, без особых угрызений совести уклоняются от уплаты налогов, дают и берут взятки, покупают контрафактные товары и т.д.

Шпаргалкология - изучение обмана в учебном процессе

Хотя россияне не слишком уникальны с точки зрения обмана во время экзаменов, тем не менее некие "особенности национального списывания" все же можно отметить. Это касается в первую очередь не самого факта наличия списывающих, а отношения к этой проблеме со стороны российского общества и российских исследователей.

В зарубежных развитых странах проблема списывания считается одной из животрепещущих. Первые исследования в области изучения обмана в учебном процессе начались еще в 1930-е гг.⁴ В 1990-х гг. они стали расти особенно стремительно. Проблема обмана/списывания рассматривается в современных исследованиях чаще всего в контексте экономико-социологического анализа девиантности и правонарушений (в частности, в рамках открытой американским экономистом Г. Беккером *economics of crime* [Bunn, Caudill, Gropper, 1992; Mixon, 1996]).

А что же мы наблюдаем в России? Увы, эта проблема волнует лишь преподавателей и методистов, а ученые пока остаются в стороне. Едва ли не единственное исключение - исследование экономистов ЦЭМИ РАН академика В. Полтеровича и А. Савватеева, выполненное совместно с экономистами из голландского Гилбургского университета Я. Магнусом и Д. Даниловым [Magnus... 2002]⁵. Эта работа российских исследователей, специально посвященная обману в учебном процессе, может послужить методологической основой для комплексной аналитической работы. Статья Полтеровича и его соавторов замечательна сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, она была посвящена изучению не столько самого обмана, сколько терпимости к нему (*tolerance of cheating*). Это очень перспективный подход: если мы трактуем учебный обман как "школу" теневых экономических отношений, то принципиально важно именно отношение окружающих к нарушителю. Очень важно выяснить не только степень одобрения или осуждения поведения участников учебного обмана, но и мотивы-

---

³ Например, в Москве на время проведения организуемой ГУ-ВШЭ олимпиады для школьников в аудиториях устанавливаются "глушилки" для мобильных телефонов (см.: http://www.hse.ru/temp/2006/05_25_olimp.shtml). Подобные "генераторы шума" в нашей стране стали использовать уже не только столичные, но и региональные вузы, например Омский государственный технический университет.

⁴ Обзор ранних исследований по "шпаргалкологии" см., например [Bushway, Nash, 1977].

⁵ Симптоматично, что русского перевода этой статьи так и не появилось. На русском языке единственной публикацией является [Сивак, 2006].

вы одобрения/осуждения. Только знание этих мотивов позволит перейти от позитивной стадии исследования (изучения существующих "правил игры") к нормативной (выработке эффективных путей изменения вредных "правил").

Во-вторых, это исследование эконометрическое: российские и голландские экономисты собрали довольно обширную базу данных (около 900 респондентов), в ходе анализа которой ими были рассчитаны индексы терпимости к списыванию. Недостатком исследования следует считать относительно малое число респондентов в каждой из исследуемых ими стран.

В-третьих, Полтерович и его соавторы провели компаративистское исследование: ученые изучили проблему в четырех странах (Россия, Нидерланды, США, Израиль) и выявили существенные различия в терпимости к списыванию представителей разных наций⁶. Развивая этот подход, отечественные исследователи могут изучать учебный обман во всех постсоветских государствах (не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, республиках Балтии, Средней Азии и Закавказья)⁷. Такой анализ представляется весьма плодотворным для понимания путей развития систем образования в бывших республиках СССР.

Отметим специфику самой терминологии, которая применяется в связи с этой проблемой. В англоязычной литературе употребляется понятие "*cheating*", что дословно переводится как "обман" и подчеркивает неэтичность, негативную маргинальность такого поведения. Наш термин - "списать" - не несет в себе никакой морально-этической нагрузки. Ведь "списать" - значит просто перенести информацию с одного носителя на другой или, другими словами, "скопировать". Поэтому возможно, что отечественным исследователям придется активно внедрять термин "читинг", как раньше в нашу лексику вошли "маркетинг", "инфорсмент", "лоббизм", "пиар" и прочие иностранные термины. Или все же лучше использовать полусутопливый термин "шпаргалкология"?..

Существующий в России разрыв между серьезностью ситуации и степенью ее изучения следует преодолевать. Проблема заключается не столько в организации самих исследований, сколько в том, чтобы сделать полученные данные достоянием гласности. Нет ничего зазорного для школ и университетов в признании факта списывания, практикуемого их учащимися. Важно не останавливаться на констатации этого факта, а подходя с научной точки зрения, анализировать проблему и пытаться найти эффективные пути ее решения.

Case-study использования шпаргалок в Москве

В качестве пилотного исследования по изучению списывания в России в мае-июне 2006 г. в Москве нами был проведен анкетный опрос школьников и студентов. Первым объектом проведения анкетирования стали студенты одного из ведущих университетов России (студенты-экономисты второго года обучения - 61 человек), который не только на словах, но и на деле активно борется с обманом в учебном процессе в самых разных его проявлениях. Вторым объектом были выбраны школьники одной из общеобразовательных школ Москвы (школьники 9 - 11-х классов - 30 человек). Результаты опроса позволили осветить целый ряд проблем.

Частота списывания и отношение к нему. В умах большинства россиян бытует мнение, что списывание - один из обязательных компонентов учебы. Чтобы выяснить, насколько это утверждение обосновано, всем респондентам задали три вопроса: насколько часто они сами списывают; насколько часто списывают их друзья по группе/классу; насколько часто списывают те, с кем они не поддерживают дружеских отношений. При

---

⁶ Большинство исследований *cheating* л построены на материалах какой-либо одной страны; кросс-культурных работ заметно меньше (см.: [Davis... 1994; Waugh... 1995; Bernardi... 2004]).

⁷ Первым опытом подобного межстранового транзитологического исследования следует считать [Grimes, Rezek, 2005]. Его недостаток, как и в работе Полтеровича и его коллег, - малое число респондентов.

Таблица 2 Частота списывания среди студентов и школьников (в % от числа респондентов)

Показатели частоты списывания	Студенты				Школьники			
	Часто	Время от времени	Редко	Никогда	Часто	Время от времени	Редко	Никогда
1. Заявленная частота списывания самого респондента	–	25	41	33	10	37	40	13
2. Заявленная частота списывания членов референтной группы респондента	16	49	30	2	40	40	17	3
3. Заявленная частота списывания тех, кто не входит в референтную группу респондента	26	43	25	3	27	47	20	7
	66				87			
	95				97			
	94				94			

заполнении анкеты респондент должен был выбрать один из вариантов ответа, показывающий степень частоты списывания, - от "часто" до "никогда". Полученные результаты (см. табл. 2) оказались весьма показательными.

Лишь 66% студентов признаются, что лично им приходилось списывать, но в основном "редко" (41%), никто не ответил "часто"⁸. Однако при этом 95% наших респондентов считают, что их друзья списывают (в том числе 16% - что друзья делают это "часто"). 94% указали, что в списывании участвуют те их сокурсники, с кем они не поддерживают дружеских отношений (26% - что они делают это "часто"). Учитывая, что вопрос о списывании был задан напрямую, а признание (даже анонимное) личного участия в списывании связано с определенными моральными издержками, наиболее вероятной оценкой степени участия в списывании будет не 66%, а 94 - 95%⁹. Ведь хорошо известно, что более правдивые ответы на "щекотливые" вопросы дают тогда, когда спрашивают не о себе, а о "других", таких, как ты сам, на которых можно спроецировать личный опыт. Чтобы собственные поступки не казались неэтичными, студенты в косвенной форме сигнализируют, что, мол, такого рода обман - обыденное явление в их среде. Аналогичная ситуация наблюдается и в школе. Разница заметна прежде всего в том, что в списывании призналась заметно большая часть респондентов (87% школьников, в том числе 10% - "часто").

В свете полученных данных не выглядит странно тот факт, что и среди студентов, и среди школьников осуждают списывание незначительное меньшинство (12% студентов, всего лишь 3% школьников). Половина опрошенных занимают нейтральную позицию, очень многие (более трети) считают списывание нормой жизни (см. табл. 3). Получается, что даже среди тех, кто заявляет, что сам никогда не списывает, большинство не делают этого не в силу осуждения списывания как такового, а по каким-то иным причинам.

Мотивы списывания. Выяснить причины списывания можно при помощи группировки ответов на открытые вопросы о том, почему списывать вредно (см. табл. 4) или полезно (см. табл. 5)¹⁰. Большинство опрошенных молодых людей сознают, что списывая,

⁸ Поскольку база данных невелика, все долевыe показатели даются с округлением до целых чисел.

⁹ Это очень точно соответствует оценке доли обманывающих российских студентов (93,4%), которая была получена в исследовании П. Граймса и Д. Резека [Grimes, Rezek, 2005].

¹⁰ Поскольку вопросы были открытыми, респонденты могли называть более одной причины. В анкетах, как правило, отмечались одновременно и положительные, и негативные последствия списывания.

Таблица 3 Отношение к списыванию студентов и школьников (в % от числа респондентов)

Категории респондентов	Отношение к списыванию		
	Осуждение	Нейтральное	Оправдание
Студенты	12	49	39
Школьники	3	50	47

Таблица 4 Основные типы суждений респондентов, почему списывать вредно (в % от общего числа респондентов)

Типы ответов респондентов	Студенты	Школьники
Моральные соображения	7	-
Соображения эффективности	62	83
1. Краткосрочные эффекты:	20	10
страдает списывающий;	12	10
наказание при обнаружении;	3	7
наказание без обнаружения	8	3
страдают окружающие	10	-
2. Долгосрочные эффекты	46	73
Отрицание вредности	3	7
Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	5	13

Таблица 5 Основные типы суждений респондентов, почему списывать полезно (в % от общего числа респондентов)

Типы ответов респондентов	Студенты	Школьники
Субъективная полезность	28	57
Объективная полезность	39	27
1. Преодоление ненужных препятствий	26	-
2. Выработка полезных навыков	13	27
Отрицание полезности	3	10
Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	5	-

они совершают поступок, который в общем-то в той или иной мере вреден. "Оригиналов", твердо утверждающих, что списывать полезно, оказалось очень немного (7% школьников, 3% студентов). Однако моральная сторона вопроса (ответы "это некрасиво", "нечестно", "унижает собственное достоинство") волнует их в наименьшей степени: среди студентов "моральных личностей" оказалось всего 7%, среди школьников их совсем не обнаружилось. И у студентов, и у школьников наблюдается общая тенденция - рассматривать вредность списывания прежде всего с точки зрения его эффективности.

Чаще всего респонденты отмечали долгосрочный негативный эффект: списывание ведет к лени ума, в результате чего обучение идет не впрок (46% студентов, 73% школьников). Куда реже (20% студентов, 10% школьников) выдвигаются краткосрочные соображения: вредность списывания мотивируется тем, что непосредственно в его ходе страдает сам нарушитель (от того, что его наказывают при выявлении списывания, или от нервных переживаний, связанных с неуверенностью в знаниях) или окружающие, которых списывающий "отталкивает" в рейтинге успеваемости.

Что же толкает человека, осознающего вред от какого-либо проступка, на его совершение? Если большинство учащихся признают негативные последствия (то есть неэффективность) такого рода обмана, то в чем заключается тот соблазн, который склоняет чашу весов в сторону нежелательного поступка?

Ответы респондентов (см. табл. 5) довольно четко делятся на две крупные группы. В первую группу попадают ответы, в которых школьники и студенты подчеркивают свою личную выгоду (*"ничего не зная, получу хороший результат"*, *"помогает жить спокойно"*, *"делать ничего не надо"*). Эти ответы характеризуют стремление отвечающих уклониться от усилий (как умственных, так и психологических), с которыми связано любое обучение. Во вторую группу попали ответы (*"иногда выучить то, что требуется, на практике невозможно"*, *"некоторые предметы вообще вряд ли пригодятся"*), связывающие обман/списывание с недостатками образовательного процесса: слишком сложные задания, преподавание кажущихся малоценными дисциплин и т.д. К этой же группе относятся ответы, авторы которых считают, что использование шпаргалок вырабатывает у "шпаргалкофилов" некие объективно полезные навыки (*"если сам пишешь шпаргалки, что-то запоминается"*, *"в процессе списывания можно разобраться с заданием"*, *"развивает смекалку"*).

Итак, усложнение структуры жизни у студентов приводит к тому, что усложняется и их мотивация. Как известно, люди склонны, решая проблемы, идти по пути наименьшего сопротивления. В условиях, когда приходится делать максимум дел при минимуме времени, при снисходительном поведении окружающих, студенты выбирают самое простое - обман. А так как вуз - срез всего нашего общества, нет ничего удивительного, что такая линия поведения закрепляется в институте и в дальнейшем находит свое логическое продолжение в трудовой взрослой жизни.

Отношение к "доносам" на списывающих. Насколько наши учащиеся готовы помочь в пресечении обмана в обучении, открыто заявляя об этом преподавателям? Ведь обучение - модель повседневной профессиональной работы, которая в современном обществе основана на конкуренции. Нарушители общепринятых правил, по идее, должны в первую очередь опасаться своих же коллег, не заинтересованных в том, чтобы их "обгоняли", используя запрещенные приемы. Однако мы видим, что, хотя механизмы конкуренции среди учащихся (особенно, студентов) начали действовать, "доносы" на списывающих отнюдь не стали типичными.

Проведенный опрос показал, что указывать на списывающего не просто не принято, но и категорически не одобряется как школьниками (80% опрошенных), так и студентами (90%). У студентов отношение к "доносчикам" кажется более негативным еще и потому, что у студентов вдвое ниже доля тех, кто хотя бы частично одобряет "доносы": среди школьников на вопрос "Одобряете ли вы, если кто-то из ваших сокурсников, заметив, что его сосед списывает, сообщит об этом преподавателю?" ответ "и да, и нет" выбрали 17%, среди студентов - только 8%. Ответ "да" не выбрал практически никто.

Попытаемся теперь понять мотивы крайне негативного отношения к "доносчикам". Ответы наших респондентов (см. табл. 6) на открытый вопрос "Вы считаете, что сообщать преподавателю о том, что ваш сокурсник списывает, ВРЕДНО, потому что..." четко разбиваются на две группы. Половина респондентов объясняют негативное отношение к "доносчикам", указывая на аморальность данного поступка (*"это подло"*, *"бесчестно"*, *"нельзя предавать своих однокурсников"* и т.д.). Другая позиция, встречающаяся реже, связана с неэффективностью "доносительства". Чаще всего респонденты писали, что "донос" чреват наказанием прежде всего для самого "доносчика" (*"можно получить по ушам"*, *"преподаватели ябед не любят"*). Иногда указывалось, что у обманщика могут быть какие-то объективные оправдания или что жизнь и так накажет "шпаргалкофилов".

Показательны ответы учащихся на открытый вопрос "Вы считаете, что сообщать преподавателю о том, что ваш сокурсник списывает, ПОЛЕЗНО, потому что..." (см. табл. 7). Если почти все школьники дали хотя бы какой-то ответ на этот вопрос, то студенты массово отказывались рассматривать вторую часть дилеммы "вредности/по-

Таблица 6 Основные типы суждений респондентов, почему "доносить" на списывающих вредно (в % от общего числа респондентов)

Типы ответов респондентов	Студенты	Школьники
Моральные соображения	49	50
Соображения эффективности:	36	47
наказание со стороны окружающих;	30	40
"жизнь сама накажет";	5	-
наличие оправданий у списывающего	1	7
Отрицание вредности	-	3
Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	-	7

Таблица 7 Основные типы суждений респондентов, почему "доносить" на списывающих полезно (в % от общего числа респондентов)

Типы ответов респондентов	Студенты	Школьники
Субъективная полезность	5	3
Объективная полезность	16	47
Отрицание полезности	20	37
Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	-	10

лезности". Из студентов ответ на этот вопрос дали только 41%, из которых около половины отрицали пользу "доносов". Самой существенной причиной, по которой можно сообщать о списывании своих коллег по парте, считают восстановление справедливости, чтобы заставить обманщиков трудиться наравне со всеми остальными (*"это справедливо по отношению ко всем"*, *"снизятся стимулы списывать"*, *"списывающий мешает другим"*). Курьезной разновидностью мотива справедливости является ответ *"можно стучать на предателя"*. Что касается мотива обретения личной выгоды "доносчиком" (*"получишь расположение преподавателя"*, *"я поднимусь в рейтинге"*), то он встречается очень редко.

Итак, кейсовое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- списывание в учебном процессе является массовым (порядка 90% учащихся);
- традиционная моральная мотивация играет в суждениях учащихся о списывании незначительную роль;
- отрицание полезности "доноса" на списывающих более категорично, чем отрицание полезности списывания;
- при переходе от школы к вузу растет терпимость к списыванию и нетерпимость к "доносчикам".

Все эти выводы подтверждают нашу гипотезу об образовательной системе современной России как "школе" неформальных практик: студенты выглядят более "обученными" жить в атмосфере массового повседневного обмана, чем школьники.

Процедурный подход к борьбе со списыванием: экзамен - это учет и контроль!

Если ранее мы излагали позитивную шпаргалкологию (характеризовали объективно существующую ситуацию), то теперь настало время высказать соображения по нормативной шпаргалкологии - о том, как можно добиться лучшего порядка вещей, сокращая обман в учебном процессе.

Данные проведенного нами исследования и работ других исследователей *cheating'a* показывают, что когда студенты выбирают, готовиться ли им к экзаменам честно или

положиться на шпаргалки, они руководствуются вполне рациональными соображениями. Фактически они сравнивают ожидаемую выгоду и ожидаемые потери, обращая внимание на следующие основные факторы:

- ценность тех знаний, которые необходимы для сдачи экзамена (если они кажутся малоценными, то предпочтительнее использовать обман);
- вероятность обнаружения обмана;
- тяжесть наказания за обман (в том числе морального наказания, когда обманщик переживает муки совести).

Это хорошо согласуется с анализом поведения правонарушителей экономической теорией преступности (*economics of crime*), согласно которой рациональный потенциальный нарушитель стремится максимизировать выгоду от нарушения правил, рассчитываемой следующим образом:

$$R = (1-p)S + p(S-D) = S - p \cdot D,$$

где R - чистая выгода (*return*) от нарушения;

p - вероятность (*probability*), что нарушитель будет пойман и наказан;

S - величина выгоды нарушителя, полученная от нарушения общепринятых правил;

D - величина потерь нарушителя в результате его наказания.

Потенциальный нарушитель (а таковым в рамках экономической теории преступности считается каждый человек) будет по рациональным соображениям отказываться нарушать закон, если ожидаемая чистая выгода будет отрицательной, то есть $S < p \cdot D$ ¹¹.

Соответственно, для борьбы с правонарушениями экономисты предлагают три метода, которые можно использовать одновременно:

- снижение выгоды (S) от удачного нарушения;
- повышение вероятности наказания за нарушение (p);
- повышение тяжести наказания (D).

Параметр S зависит прежде всего от практической ценности тех знаний и навыков, которые получает студент. Скажем, трудно представить списывающим на экзамене о свойствах взрывчатых веществ того, кто учится профессии сапера: выиграв обманом "пятерку", можно затем потерять жизнь. Воздействием на этот параметр занимаются в первую очередь составители учебных программ.

Исследования по экономической теории преступности показали, что наиболее активно нарушители реагируют на параметр p - вероятность быть пойманными и наказанными (даже если тяжесть наказания D не очень велика). Следовательно, в борьбе с обманом в учебном процессе тоже надо прежде всего повышать опасность для мошенничающего студента быть пойманным.

В борьбе со списыванием есть два основных пути: ужесточать внешний контроль со стороны преподавателей и организаторов экзаменов; усиливать внутренний контроль со стороны самих учащихся, которые бы сигнализировали преподавателям о мошеннических действиях своих одноклассников/однокурсников. Первый путь относительно проще. Когда говорят о более высокой "честности" зарубежных студентов в сравнении с российскими, то на самом деле имеют в виду прежде всего как раз более строгий внешний "учет и контроль" на экзаменах в странах Запада.

Для демонстрации различий между экзаменом "по-российски" и экзаменом "по-западному образцу" изложим наши личные впечатления от экзаменов, проводившихся в Москве в одном и том же университете (назовем его условно "московский вуз"). В этом университете студенты параллельно сдавали экзамены по двум учебным программам - по программе самого этого вуза ("московский" экзамен) и по программе одного из западноевропейских университетов ("европейский" экзамен).

Привыкнув к тому, что наши студенты на экзаменах нередко списывают, мы с удивлением обнаружили, что при сдаче "европейского" экзамена студенты практически не

---

¹¹ Подробное изложение основных идей *economics of crime* см. [Латов, 2000].

пытаются нарушать предъявляемые к ним требования. Этот контраст в поведении студентов одного и того же факультета натолкнул нас на мысль взять у них несколько интервью, целью которых было понять мотивы списывания на одних экзаменах и полный отказ от использования шпаргалок на других, проходящих почти одновременно.

Выяснилось, что студенты, оказывается, вовсе не сразу стали строго разграничивать эти два вида экзаменов ("московский" и "европейский"). На первых порах, сдавая "европейский" экзамен, студенты применяли уже хорошо отработанную и действующую практически безотказно модель поведения - попытаться списать и таким образом получить максимально хорошую оценку при минимальных издержках. Однако очень быстро методика проведения "европейского" экзамена показала полную несостоятельность апробированных ранее методов. И тому есть два главных объяснения.

Первое - формализованная система наказаний. В правилах проведения "европейского" экзамена сотрудниками западноевропейского университета есть четкие указания на штрафные санкции, применяемые к студентам, нарушающим правила проведения экзамена. Каждый случай нарушения рассматривается в индивидуальном порядке на основании составленного сотрудниками акта. Опыт учебы быстро показал студентам, что угроза штрафных санкций - отнюдь не пустой звук. Те студенты, которые списывали и были пойманы на этом, хотя часто и сохраняли возможность продолжить свое образование в московском вузе, но в любом случае с потерей курса. И это было еще неплохим вариантом развития событий. В худшем случае студенты-обманщики просто отчислялись из института.

Любой преподаватель может возразить, что применение таких штрафных санкций должно быть очень хорошо обосновано. "Прямой уликой" может служить шпаргалка, отобранная у студента. Если в московском вузе (как и в большинстве российских вузов) наблюдающие за студентами преподаватели обычно не склонны изображать строгих надзирателей, то на "европейском" экзамене контроль заметно строже. Опрошенные нами студенты отметили, что *"возможность списать есть и на этих экзаменах, но риск попасться на этом очень велик"*.

Любой преподаватель знает, что поймать "шпаргалкофила" с поличным довольно трудно. Во многих случаях у преподавателя есть только подозрения и не более того. Можно строго запретить студентам использовать современные средства связи (ПК, мобильный телефон) вне зависимости от того, с какими целями студент взял их с собой. Но разве можно требовать от студента не одевать пиджак с большим количеством карманов? Легко заметить, что на "московский" экзамен студенты приходят как на торжественный прием, в пиджаках и костюмах, в то время как "европейский" экзамен проходит куда демократичнее, в антураже футболок и топики. Что же заставляет студентов избегать соблазна шпаргалок на "европейском" экзамене?

Здесь можно вспомнить другой действенный метод пресечения списывания, практикуемый зарубежной системой образования, - составление таблицы рассадки студентов. Так как у всех студентов на "европейском" экзамене один и тот же вариант, таблица рассадки призвана не контролировать, какой вариант пишет каждый из студентов, а зафиксировать их взаиморасположение. В случае, если у контролирующего возникают сомнения в честности того или иного студента, то особо внимательно проверяется не только работа одного этого студента, но и всех сидящих рядом. Когда студент знает, что, привлекая к себе внимание, он рискует подвести соседей, то коллективная солидарность - своего рода круговая порука - становится мощным тормозом списывания.

Второй фактор, оказывающий огромное влияние на выбор студентом линии поведения на экзаменах, - межличностные отношения между студентом и преподавателем. "Европейский" экзамен курируют совершенно незнакомые студентам люди (отметим, что эти люди сами являются студентами других институтов), а "московский" экзамен - преподаватели и сотрудники московского вуза.

Казалось бы, во втором случае отношения должны были бы строиться на взаимном доверии. Однако русская ментальность играет с нами злую шутку: ни студенты, ни преподаватели не видят границ между личным общением и выполнением своих официаль-

ных обязанностей. Студенты считают, что они *"знают преподавателей лично и в случае неудачи со списыванием всегда быстро и легко договорятся о передаче предмета"*. В свою очередь, преподаватели не склонны думать о своих студентах как о нарушителях правил, потому что они хорошо их знают и считают, что те не могут списывать (речь идет о студентах, хорошо себя зарекомендовавших в ходе учебного процесса). Такая позиция преподавателя имеет определенный смысл, ибо опирается на опыт их предыдущей работы с этими студентами. Однако складывается ситуация, когда одни студенты подпадают под действие официальных правил и распоряжений, а другие могут уклониться от них на основании установившихся ранее личных связей.

Для усиления обезличенности и для создания в результате равных условий для каждого сдающего экзамен в "европейском" экзамене предусмотрен не только контроль самого хода экзамена и проверка работ не знакомыми студентам людьми, но и анонимность самих экзаменационных работ. Каждый студент имеет свой порядковый номер, который и указывается на работе вместо принятых в нашей системе имени и фамилии¹².

Итак, первый путь борьбы с обманом в учебном процессе - процедурное ужесточение контроля путем применения жестких санкций за выявленный обман, внедрение элементов круговой поруки и устранения личных взаимосвязей из отношений экзаменаторов и экзаменуемых. Однако повышать вероятность наказания за обман можно и другим путем, когда основную роль в выявлении списывания играет не бдительный преподаватель, а честный одноклассник/сокурсник.

Этический подход к борьбе со списыванием: требуются павлики Морозовы!

Согласно нашему исследованию, хотя большая часть студентов считает, что списывание - нормальное явление, в котором *"нет ничего плохого"*, есть и другая часть студентов, предпочитающих не списывать, а самостоятельно выполнять задание. Встает закономерный вопрос: почему же такие студенты, сами не практикующие списывание, не пытаются пресечь обман со стороны своих сокурсников?

Этому есть много причин, но одна из важнейших - это отсутствие конкуренции и стимулов к ней в образовательном процессе. Изменения в этом направлении могли бы способствовать тому, чтобы контролерами стали не только преподаватели, но и сами студенты, активно сигнализирующие преподавателям о нечестности одноклассников.

Опросы студентов показали, что они более склонны прощать нарушения со стороны товарищей, которые не претендуют на высокий рейтинг в учебной группе. В связи с этим имеет смысл сделать рейтингование более жестким, увеличивая предельные выгоды от попадания на более верхние ступени. Несомненно, что предложения по усилению взаимного контроля немедленно вызывают в памяти россиян образ Павлика Морозова. Этот сюжет, по нашему мнению, заслуживает специального обсуждения, поскольку в данном пункте мы вновь возвращаемся к обсуждению общих проблем развития теневой экономики.

Правоохранительные органы принципиально не могут сами по себе, без поддержки граждан, вести эффективную борьбу с массовым распространением теневых экономических отношений (как преподаватели не могут в одиночку бороться со списыванием). Однако сама идея апелляции к помощи добровольных информаторов наталкивается в постсоветской России на неформальный институт, который можно назвать *"синдромом Павлика Морозова"*.

Важную роль в конструировании этого института сыграл писатель-диссидент Ю. Дружников, автор книги-расследования *"Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова"*. В ней он, обобщая материалы публикаций о деле Павлика Морозова и опи-

---

¹² Кстати, ничего оригинального в организации нумерации сдаваемых экзаменационных работ нет - такой же прием обезличивания экзаменуемых применялся на императорских экзаменах в средневековом Китае.

раясь на материалы проведенного еще в СССР личного журналистского расследования, выступил с сенсационным разоблачением. Оказывается, никакого "подвига пионера" не было, "дело" являлось инспирированной коммунистическим режимом пропагандистской акцией, призванной развивать доносы в тоталитарном обществе, делая людей совершенно беспомощными перед "политической полицией".

Завершенная в начале 1980-х гг. книга Дружникова некоторое время ходила в самиздате, в 1988 г. она была опубликована за рубежом, ее идеи немедленно начали широко тиражироваться в зарубежных и отечественных СМИ¹³. В результате уже в последние годы существования СССР сформировался четкий стереотип: человек, "сигнализирующий" о мошенническом поведении своих близких, есть бесчестный предатель.

В дискурсе о "деле Павлика Морозова" сознательно или бессознательно смешиваются две проблемы. С одной стороны, конкретно-историческая достоверность и смысл официальной советской версии событий 1932 г. в сибирской деревне Герасимовка, а с другой - смысл культурного образа "Павлик Морозов - пионер-герой". В конце концов, историко-культурные символы (Владимир Святитель, Александр Невский, Иван Сусанин, Александр Матросов...) оценивают прежде всего по их содержанию, а не по степени соответствия историческим реалиям. Не будем же мы объявлять вредной выдумкой готовность отдать "жизнь за царя", хотя еще Н. Костомаров доказал мифичность подвига Сусанина?!

Взглянем на официальный "миф" о Павлике Морозове как на определенный культурно-ментальный институт, отвлекаясь от оценки его достоверности. К чему призывает этот "подвиг"? К добровольному сотрудничеству с правоохранительными органами, кем бы ни были нарушители закона. О каких нарушениях закона идет речь? Если следовать исходному смыслу "мифа", то речь идет прежде всего о теневой экономической деятельности, причем в наиболее опасной ее разновидности. Ведь, согласно официальной советской версии, отец "пионера-героя", председатель сельсовета, был осужден по "доносу" сына за тайную продажу справок ссыльным крестьянам, то есть за коррупцию.

Смысл "подвига Павлика Морозова" как культурно-ментального института отнюдь не сводится к призыву, чтобы детишки следили за законопослушным поведением своих родителей, да заодно и своих сверстников. Следует учитывать, что Россия относится к патерналистским обществам, где личные связи превалируют над официальными. Это значит, что формальные служебные отношения имеют тенденцию трансформироваться в неформальные отношения "братства". Не случайно в 1990-е гг. важнейшим капиталом начинающих отечественных бизнесменов были не деньги, а личное знакомство с "нужными людьми", часто тянувшееся с детских и студенческих лет. Поэтому российская коррупция - не столько торговля незаконными услугами, сколько взаимобмен в социальной сети. В таком культурном контексте "дело Павлика Морозова" означает призыв ставить членство в гражданском обществе выше членства в малых группах, отказываясь от круговой поруки "своих людей" в пользу общества в целом.

Был ли в "мифе" о Павлике Морозове заложен и другой смысл, связанный именно с тоталитарным характером сталинского режима и сверхбдительным поиском "врагов народа"? Да, был. Но этот аспект "мифа" можно было деактуализировать, не разрушая ментально-культурной установки о необходимости ставить гражданский долг выше личных связей¹⁴. Вместо этого в результате "разоблачений" оказалась разрушена и так

---

¹³ Полная публикация книги на русском языке состоялась уже в постсоветской России [Дружников, 1995]. Новая, расширенная редакция этой книги появилась в 2006 г. Справедливости ради надо заметить, что "разоблачения" Дружникова лишь активизировали и так существующий в России стереотип отчуждения от власти. Даже в советские времена назвать кого-либо Павликом Морозовым было очень сомнительным комплиментом.

¹⁴ Можно было, например, "вспомнить" такую подробность событий 1932 г.: отец "пионера-героя" бросил свою жену с сыном и завел новую семью, так что "донос" Павлика Морозова никак нельзя назвать предательством близкого человека. А можно было актуализировать истории многих других пионеров-героев 1920 - 1930 гг., чьи разоблачения не были связаны с чисто семейными "разборками".

не очень сильная в нашей стране установка на добровольное сотрудничество граждан с правоохранительными органами, ведущими борьбу с теневой экономикой. Попутно было заблокировано желание честных учащихся сигнализировать о нечестном поведении "шпаргалкофилов".

"Синдром Павлика Морозова" сохраняется и в России 2000-х гг. В рамках современного российского культурного дискурса практически невозможно обсуждать проблему стимулирования добровольных информаторов, не используя осуждающих выражений ("донос", "стукачество" и т.д.). Поэтому создается парадоксальное положение, когда либеральные СМИ, ориентирующиеся на пропаганду американских институтов гражданского общества, сообщают в резко осуждающем тоне об американском опыте "виджилантизма" (буквально - "дующих в свисток", "свистунов"). Между тем этот опыт показывает, в отличие от российского "синдрома Павлика Морозова", как в ситуации обострения проблем теневых экономических отношений следует формировать именно позитивное отношение граждан к добровольному и инициативному сотрудничеству с правоохранительными органами.

Как известно, осенью 2001 г. США поразил скандал, связанный с крахом компании "Энрон" - одной из крупнейших энергетических корпораций. Причиной внезапного краха было мошенническое сокрытие ее топ-менеджерами истинной информации о финансовом положении фирмы. Крах "Энрона" привел к критическому разбирательству с положением дел во многих других крупных фирмах. В результате обнаружилось, что в "большом бизнесе" США экономические злоупотребления встречаются отнюдь не редко. Героями борьбы с этой "беловоротничковой" теневой экономической деятельностью были провозглашены те люди, которые по собственной инициативе сообщали о нарушениях в своих организациях. Так, в 2002 г. американские СМИ среди "людей года" назвали Ш. Уоткинса, вице-президента "Энрона", с анонимного сигнала которой началось разоблачение корпоративных махинаций.

Американский экономист Л. Зингалес прямо указал, что в современном сложно организованном хозяйстве, где эффективный внешний контроль корпораций крайне затруднен, спасти экономику от массового корпоративного мошенничества должны прежде всего именно "свистуны" [Zingales, 2004]. Поскольку даже в индивидуалистической Америке те, кто сигнализируют о нарушениях своих коллег по работе, часто подвергаются формальным и неформальным санкциям, то их надо стимулировать не только морально, но и материально. Например, премировать процентом из того штрафа, который платят виновные в "беловоротничковых" правонарушениях.

Постсоветской России, пораженной "синдромом Павлика Морозова", если она хочет добиться успехов в сдерживании теневых экономических отношений, придется рано или поздно провести его "реабилитацию". И начинать, вероятно, лучше всего именно с работы со школьниками/студентами, делая их союзниками преподавателей в борьбе с обманом в учебном процессе.

Итак, российская шпаргалкология только начинает формироваться, хотя от нее зависит очень многое - не только совершенствование образовательной системы, но и сдерживание теневой экономики. Сейчас наиболее важным этапом научных исследований является накопление базы эмпирических данных для научно обоснованных суждений о масштабах, причинах и последствиях *cheating'a*. Для выполнения этой задачи необходима координация ученых и преподавателей многих регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боревская Н. Е. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005. N 10.

Дружников Ю. И. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М., 1995.

Латов Ю. В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. Вып. 4. М., 2000.

Сатаров Г. А. Динамика коррупции в условиях аномальной экономики // Информационные ресурсы России. 2005. N 6.

Сивак Е. В. Преступление в аудитории: плагиат и списывание. М., 2006.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000.

Bernardi R.A., Giuliano J.L., Komatsu E., Potter B.M., Yamamoto S. Contrasting the Cheating Behaviors of College Students from the United States and Japan // *Global Virtue Ethics Review*. 2004. Vol. 5. N 4.

Bunn D.N., Caudill S.B., Gropper D.M. Crime in Classroom: An Economic Analysis of Undergraduate Student Cheating Behavior // *Journal of Economic Education*. 1992. Summer.

Buskway A., Nash W.R. School Cheating Behavior // *Review of Educational Research*. 1977. Vol. 47. N4.

Davis S.F., Noble L.M., Zak E.N., Dreyer K.K. A Comparison of Cheating and Learning/Grade Orientation in American and Australian College Students // *College Student Journal*. 1994. Vol. 28.

Grimes P.W., Rezek J.P. The Determinants of Cheating by High School Economics Students: A Comparative Study of Academic Dishonesty in the Transitional Economies // *International Review of Economics Education*. 2005. Vol. 4. Is. 2.

Magnus J.R., Polterovich V.M., Danilov D.L., Savvateev A.V. Tolerance of Cheating: An Analysis Across Countries // *Journal of Economic Education*. 2002. Spring.

Mixon F.G., Jr. Crime in Classroom: An Extension // *Journal of Economic Education*. 1996. Summer.

Waugh R.F., Godfrey J.R" Evans E.D., Craig D. "Measuring Students" Perceptions about Cheating in Six Countries // *Australian Journal of Psychology*. 1995. Vol. 47.

Zingales L. Want to Stop Corporate Fraud? Pay Off Those Whistle-Blowers // *Washington Post*. 2004. January 18 (<http://www.aei.brookings.org/policy/page.php?id=173>).